

Е. В. Перепелица

ФЕНОМЕН МАТЕРИНСТВА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ И ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Показана ценностно-смысловая и проблемная наполненность научного дискурса, отражающая нынешнее кризисное состояние материнства. Анализируются трактовки феномена материнства, интегрированные на данном этапе в систему юридического знания. Автор поднимает ряд сложных гносеологических вопросов, связанных с пониманием материнства как ценности, требующих для своего решения открытого диалога права со всей гуманитарной наукой и междисциплинарного взаимодействия различных областей знания.

The author addresses the contemporary level of comprehension of motherhood in various branches of science. The author shows the value-sensitive and problems fullness of the scientific discourse, which reflects the current state of crisis of motherhood. The author analyzes the different interpretations of motherhood, integrated at the present stage in the legal knowledge. The author raises a number of complex epistemological issues related to understanding of motherhood as a value, requiring for its solution an open dialogue of law with all humanitarian science and interdisciplinary interaction between the different fields of knowledge.

Ключевые слова: феномен материнства; юридический дискурс; междисциплинарный дискурс; девальвация материнства; аборт; суррогатное материнство.

Key words: the phenomenon on motherhood; legal discourse; interdisciplinary discourse; devaluation of motherhood; abortion; surrogate motherhood.

Введение. Сокращение рождаемости, масштабная убыль и старение населения, вызванный ими недостаток трудовых ресурсов и подобные им проблемы, с которыми столкнулись сегодня многие европейские государства, включая Республику Беларусь, сопряжены с кризисом института семьи и материнства. Осознавая остроту демографической ситуации, наша страна предпринимает комплексные меры, направленные на улучшение режима воспроизводства населения. Но пока это не привело к принципиальному изменению положения дел. В настоящий момент разрабатывается проект «Большая семья», который предусматривает экономическое стимулирование рождаемости в долгосрочной перспективе [1, с. 8], в связи с чем происходит сосредоточение на оптимистическом изменении динамики рождаемости. Однако такое изменение связано в основном с миграционным приростом. Сегодня далеко не все готовы согласиться с тем, что демографический кризис слабо разрешим только правовыми и экономическими мерами и что одной из причин

этого кризиса является «инфляция» материнства. Для современного правового дискурса характерна трактовка материнства в аспекте репродуктивных прав личности, которые в последнее время позиционируются как разновидность соматических прав. При этом во многом утраченным оказывается понимание материнства как ценности. Последовательная реализация парадигмы репродуктивных прав приводит к девальвации материнства. Применительно к современному белорусскому праву это показано на примерах права на аборт и суррогатного материнства. В связи с этим актуальным является преодоление замкнутости юридического дискурса и привнесение в него опыта осмысления феномена материнства, имеющегося в арсенале других предметных областей.

Основная часть. Способности женщины быть матерью, а мужчины – отцом естественны и даны человеку самой природой. Благодаря их присутствию воспроизводится мир, продолжает свое существование человечество. Отцовство и материнство представляют собой два самостоятельных, равных по своей значимости феномена, которые в одинаковой степени нуждаются в изучении. Корректно и научно оправданно рассматривать их как с позиции единства и соподчинения, в контексте брака и семьи, так и дифференцированно. В настоящее время в большей степени изученным, безусловно, является материнство. Это чрезвычайно сложный и многоаспектный феномен, изучаемый как социальными науками, так и генетикой, биологией, медициной. Естественные науки исследуют его не только применительно к человеку, но и к животному миру. В первом случае материнство анализируется как способ передачи жизни, основная биологическая функция женского организма, направленная на продолжение человеческого рода [2, с. 13]. Во втором – ученых интересует инстинкт материнства, развитый практически у всех живых существ и проявляющийся у них во время ожидания и взращивания потомства. Конечно, материнство неизмеримо шире биологически предзаданных механизмов размножения. И даже в отношении животного мира оно не исчерпывается только лишь физиологическими функциями.

В настоящее время к теме материнства так или иначе обращены философия, культурология, история, филология, педагогика, психология, социология, другие гуманитарные дисциплины. У каждой из них своя познавательная стратегия и предметная область изучения этого феномена. Конечно, сведения о материнстве, накопленные даже в отдельной области науки, трудно воспринять во всей полноте. В социологии, например, материнство анализируется как та социальная роль, потребность в реализации которой заложена в женской природе. В философии материнство определяется как феномен, содержащий в себе генезис всей человеческой культуры, обладающий фундаментальной значимостью. В культурологии материнство понимается как

сфера и механизм межпоколенной трансляции социокультурного опыта. Философия устанавливает общую для всех культур интерпретацию слов «мать», «материнство», определяет динамику их смыслового развития в языковой картине мира. В психологии внимание сосредоточено на выявлении глубинных эмоциональных связей, которые устанавливаются между матерью и ребенком еще во время беременности. Важным для понимания материнства как ценности является изучаемый психологией феномен материнской любви, благодаря которому ребенок приобретает базовое доверие к миру. В исторической науке сложилось понимание уникальных и самобытных архетипов материнства, соответствующих различным временным эпохам. В педагогике феномен материнства рассматривается с точки зрения определения роли матери в воспитании позитивных жизненных ориентиров у ребенка, без которых невозможно его полноценное развитие. Таким образом, каждая наука по-своему определяет значимость материнства, но общим для большинства социальных наук является понимание материнства как ценности. Будучи одной из основных понятийных универсалий в системе философских и гуманитарных дискурсов, категория ценности «обозначает в самом общем виде положительную или отрицательную значимость какого-либо объекта или явления действительности» [3].

В то же время категория «материнство» употребляется современным научным дискурсом в конкурирующих смыслах. Так, сторонники гендерного подхода усматривают в материнстве социальную роль, навязываемую женщине обществом, и предлагают освободить ее от выполнения этой роли и сопряженного с ней бремени ответственности. Радикально настроенные представители феминизма понимают материнство как работу женщины по воспроизводству потомства, видят в нем способ дискриминации и угнетения женщины по признаку пола, главную причину ее социального, политического и экономического бесправия. В рамках феминистской юриспруденции формируется новый взгляд на права женщины как права человека, где материнству уже почти не осталось места [4]. Понимание материнства как предназначения женщины считается не отвечающим духу времени. Впрочем, стремительное развитие биотехнологий приближает нас к той реальности, в которой для продолжения человеческого рода якобы уже не нужны будут ни мужчины, ни женщины, достаточно лишь генетического материала (замороженных половых клеток). Апофеозом здесь является посмертная репродукция или, скажем, выращивание плода в так называемой искусственной матке с предполагаемой заменой всех функций человеческого организма механизмами. Этот агрегат должен освободить женщину от рутинных обязанностей по вынашиванию и рождению ребенка. Работы по созданию и совершенствованию подобных технологий ведутся в разных лабораториях мира под гуманным предлогом

решения проблем воспроизводства [5]. Несмотря на свой бесчеловечный смысл, данные разработки находят своих адептов, и, думается, интерес к ним, в том числе со стороны права, со временем будет нарастать. Ведь уже сегодня нетрадиционные и противоестественные способы зачатия находят законодательное закрепление во многих правовых системах. Таким образом, материнство перестает рассматриваться как форма самореализации женщины и имманентная ей роль. В общественное сознание проникает идеология антиматеринства. Через средства массовой информации навязываются новые трактовки, в которых материнство лишается своей ценности. Это не может не сказываться на отношении к материнству в обществе, на оценке его значимости.

Если аккумулировать данные, полученные в различных отраслях знания, и попытаться рассмотреть материнство в значении всех выполняемых им функций, то к ним прежде всего следует отнести репродуктивную, воспитательную, психологическую, нравственно-этическую, аксиологическую, наконец. Эти функции, структурирующие материнство, традиционно выступают в качестве должных, естественных и закономерных. Конечно, они обладают неодинаковой степенью личной, социальной и правовой значимости. Часть из них имеет смысловое и критериальное значение для анализа и оценки материнства как нормального и полноценного, часть постулируется юридическим дискурсом как обязанности женщины-матери. В то же время невозможно искусственно вычленил или же упразднить какую-то определенную функцию, абстрагируясь от прочих. Когда происходит такое вычленение и хотя бы одна из функций частично или полностью отпадает и не выполняется, то такое материнство оценивается чаще всего как проблемное, дивиантное, отклоняющееся от нормы, со всеми вытекающими последствиями, включая правовые. «В качестве примера для Республики Беларусь можно привести акт Главы государства, устанавливающий обязательность труда “нерадивых” родителей, детей которых опекает государство» [6, с. 106]. Триединство биологического, социального и духовного – это те неизменные структурирующие параметры, без учета которых трактовка материнства будет неверной. Если недооценивать интегральность этого феномена, то возникает опасность выхолащивания самой его сути. Этим и объясняется потребность рассмотрения материнства в значении «целостности взаимодействия природных функций духа, души и тела, реализующих полноту любви и жертвенности» [7]. «Несводимость к частям, отдельным функциям или ролям» [8] – вот что является принципиальной характеристикой рассматриваемого феномена.

В последние десятилетия материнство позиционируется как биосоциальный, социокультурный, духовно-исторический феномен. Считается, что всестороннее исследование материнства «невозможно осуществить в рамках

одного научного направления, для этого требуются исследования междисциплинарного характера» [9]. Потребность выхода за рамки узкой специализации в исследовании материнства оправдана и доказывается уже самим современным дискурсом вокруг рассматриваемого феномена. Особенностью времени является обращение к следующим темам: дефицит материнской любви, непроявленность материнского инстинкта, право одиноких мужчин и женщин иметь детей, суррогатное материнство. Теоретический поиск выходит на проблемы «отказного материнства», «одинокое материнства», «материнства в неполной семье», «юного (малолетнего, подросткового) материнства», «материнской семьи», снижения престижа и авторитета материнства на субъектном и социальном уровнях [10], кризиса семьи, а значит, материнства и отцовства в глобальном, цивилизационном масштабе. Нельзя не согласиться с тем, что «нивелирование материнства как главной антропологической ценности, лишение его сущностного культурного смысла привело к необратимым демографическим последствиям и поставило перед обществом задачу их преодоления, которая сегодня получила форму многого решения сложнейшей ситуации формальным путем экономической стимуляции со стороны государства» [8]. Придание подобным проблемам междисциплинарного статуса обеспечивает возможность их адекватного осмысления. Это общее поле деятельности для всей гуманитарной науки. Здесь нельзя сбрасывать со счетов естествознание, изучающее законы природы, а также богословие, где материнство мыслится как важнейшая составляющая женского ипостасного образа бытия. Христианская антропология раскрывает глубинные основы отцовства и материнства как сущностных характеристик человека, одновременно «телесных» и «духовных» [11, с. 10]. Для белорусской гуманитарной науки как в теоретическом, так и в практическом плане актуален, например, поиск и обоснование причин распространения малодетности в массовом сознании, способов утверждения такой национальной традиции, как многодетность, утраченной белорусским обществом и не восстановленной, несмотря на экономическую и социальную поддержку многодетности. Сегодня уже невозможно исследовать и пытаться решать эти проблемы усилиями только какой-то одной отрасли науки, абстрагируясь от того, что происходит в соседних областях знания.

В юридическом дискурсе материнство трактуется в его сугубо нормативном аспекте. «Юридическое познание определяется целью дискурса – нормировать и регулировать общественные отношения» [12]. Материнство надделено статусом объекта охраны со стороны государства. И каждое государство определяет перечень социальных, экономических и иных гарантий для женщины-матери исходя из международных стандартов защиты прав женщин и достигнутого уровня социального развития.

В Республике Беларусь право на защиту материнства гарантировано Конституцией. Это право прошло значительную эволюцию. Непрерывно совершенствуется правовой статус женщины-матери как совокупность прав и обязанностей, связанных с рождением, содержанием и воспитанием ребенка. Нормы о защите материнства интегрированы в конституционное, трудовое, семейное и другие отрасли права. Постоянно возрастает объем финансовых средств, выделяемых из республиканского бюджета для пособий по материнству [13]. Но если поставить вопрос, что есть материнство с точки зрения права, то ни в одном доктринальном источнике мы не найдем дефиниций, в которых бы более или менее аутентично был бы раскрыт смысл и значение материнства как ценности. Исключение составляет, пожалуй, понятие «суррогатное материнство», получившее и доктринальное, и законодательное определение не только в отечественном праве. Например, в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье им признаются основанные на договоре имплантация эмбриона вынашивание и рождение женщиной (суррогатной матерью) ребенка, зачатого из яйцеклетки, изъятая из организма другой женщины (генетической матери), если вынашивание и рождение ребенка генетической матерью физиологически невозможны или связаны с риском для жизни генетической матери и (или) ребенка [14]. Здесь имеются: право изъять половую клетку из женского организма, право зачать ребенка из этой клетки, право имплантировать эмбрион, право выносить и родить ребенка. Но самого материнства здесь нет, поскольку регламентация суррогатного материнства зиждется на предпосылках, нивелирующих материнство как ценность.

В этом плане в правовом дискурсе закреплена замкнутость на самом себе. Относительно трактовки материнства как ценности следует констатировать проблемную познавательную ситуацию в праве. В системе юридического знания преобладает узкоотраслевой подход к интерпретации рассматриваемого феномена [15]. В современный период анализу подвергаются отдельные аспекты обеспечения прав и законных интересов женщин, воспитывающих детей [16]. В то же время «официальное понятие “материнство” не закреплено, не определено и не сформулировано. <...> Правотворчество не может отразить в своей деятельности это понятие и включить его в различные нормотворческие конструкции» [17, с. 45]. Но проблема не в том, чтобы определить в законодательстве это трудно поддающееся дефинициям понятие. Ведь «юридический дискурс не формирует представления о моральных категориях, но использует уже сформированные представления об этих категориях, чтобы на их основе строить системы дефиниций» [12]. Подлинная проблема состоит в выборе векторов развития права. По какому пути оно идет? По пути защиты и утверждения традиционных ценностей либо по пути закрепления трактовок

и понятий, соответствующих духу времени? Эти вопросы относятся к сфере юридической аксиологии и ее отраслевой разновидности – конституционной аксиологии [18, с. 16].

Парадигма репродуктивных прав, в которой мыслится материнство, практически не менялась и не подвергалась пересмотру с советских времен. Она включает в себя право на свободный репродуктивный выбор, планирование семьи и связанные с ними права на охрану репродуктивного здоровья [19, с. 87–90]. В данной парадигме правовая защита нацелена не на само материнство, а в первую очередь на личную жизнь (свободу репродуктивного выбора) и охрану здоровья (репродуктивного, в частности). «В порядке обеспечения выбора репродуктивного поведения и защиты от незаконного вмешательства в личную жизнь женщине предоставлено право самостоятельно решать вопрос о материнстве» [20, с. 81]. Материнство практически уравнивается с правом на аборт. Но свобода репродуктивного выбора, как и свобода распоряжения собственным телом, – это доминирующие в сравнении с материнством ценности. В конституционном праве права на материнство и отцовство рассматриваются как производные репродуктивных прав [21, с. 4], а не наоборот. Сегодня тема (хирургического и медикаментозного) аборта востребована в биоэтике [22], в медицинской науке [23], в частности в аспекте защиты жизни нерожденных детей. Сложные юридические и этические проблемы, «связанные с определением начала человеческой жизни и ее окончанием, включая статус <...> человеческого эмбриона и опыты с ним, пределами вторжения в генетические характеристики человека» [24, с. 135], поставлены и перед правоведением.

Прогресс правовых механизмов защиты и охраны материнства (как состояния женщины во время беременности, родов, кормления ребенка) сопровождается снижением статуса материнства как ценности. Для правовой науки актуален вопрос о необходимости ограничения свободы репродуктивного выбора с точки зрения защиты материнства. Однако его постановка невозможна в рамках господствующей парадигмы. Кроме того, в качестве относительно новой формы реализации права на материнство позиционируется суррогатное материнство [25]. Так же как и аборт, оно направлено на реализацию репродуктивных прав. Позиция отечественных ученых и практиков в отношении суррогатного материнства однозначна: оно признано основанным на Конституции способом обеспечения права на материнство [26, с. 2; 27].

В юридическом дискурсе суррогатное материнство рассматривается в нескольких значениях: «1) с точки зрения семейного права – это комплексный институт, включающий в себя нормы, регулирующие отношения между бес-

плодными лицом (лицами), желающими воспользоваться услугами женщины в целях вынашивания и рождения для них ребенка <...>, и суррогатной матерью; 2) с точки зрения гражданского права как договор особого рода, опосредующий отношения между бесплодными лицом (лицами) и суррогатной матерью» [28, с. 60, 61]. С теми или иными особенностями аналогичный подход можно обнаружить в тех национальных правовых системах, где суррогатное материнство признано основанным на законе способом решения вопроса бездетности. Здесь опять же, как и в случае с абортom, само материнство – это вторичная в сравнении с репродуктивными (соматическими) правами ценность: «материнство и отцовство являются прямым следствием осуществления гражданами своих репродуктивных прав» [29]. Но если выйти за рамки юридического дискурса и рассмотреть суррогатное материнство с точки зрения законов природы, открытых биологией, то в таком случае оно оказывается направленным на подавление материнского инстинкта, развитого даже у животных. «Чувства материнства имеют естественную природу, не поддаются контролю и оказывают сильное воздействие на поведение женщины» [30, с. 38]. С позиции психологии суррогатное материнство разрушает те глубинные эмоциональные связи, которые устанавливаются между матерью и ребенком во время беременности, вне зависимости от того, чей генетический материал используется для зачатия. Если привлечь данные, полученные в иных отраслях науки, то перечень аргументов, на основании которых может быть доказана противоестественность суррогатного материнства, окажется еще более значительным. Но все эти аргументы в настоящее время не учитываются правом. Напротив, с позиции соматических прав как возможности определенного поведения, выражающегося в полномочиях по распоряжению человеком своим телом, пополняется число аргументов в защиту как абортов, так и суррогатного материнства.

Еще одним аспектом, важным для понимания материнства как ценности, является то, что право на материнство (в парадигме репродуктивных прав) обеспечивается исходя из принципа формального равенства. Этот универсальный принцип права в случае с материнством работает безальтернативно и автоматически: вне зависимости от семейного положения, здоровья и физиологических возможностей. Правом на материнство наделяются все женщины. Использование данного принципа позволяет обосновать в том числе конституционность суррогатного материнства как направленного на защиту репродуктивных прав. Но при таком подходе можно признать допустимость практически любой позиции. Сегодня – это суррогатное материнство, завтра – посмертная репродукция, право на материнство и отцовство вне зависимости от половой принадлежности, использование новых технических

возможностей для зачатия и рождения, т. е. для права «никакая идея ценности не имеет абсолютного значения, которое бы не могло быть проигнорировано во имя каких-либо иных, “более высоких” с точки зрения конкретных условий целей» [31, с. 93]. Однако такой путь может стать, говоря словами В. Крусса, «тупиковым вектором конституционализации» [32, с. 4]. Что касается суррогатного материнства, то это, на наш взгляд, скорее не способ охраны материнства, а логическое следствие доведения до абсурда принципа равноправия, реализация которого способствует девальвации материнства как ценности.

Заключение. Включение феномена материнства в качестве одной из составляющих в актуальное предметное поле различных научных дисциплин связано с нарастающим кризисом семьи, материнства и, как следствие, демографическим кризисом, охватывающим сегодня большую часть мира. Проблемная наполненность научного дискурса вокруг понятия «материнство» свидетельствует о том, что понимание материнства как ценности вытесняется в настоящее время новыми альтернативными трактовками, отвечающими духу времени.

Важным шагом к преодолению методологического бессилия какой-то одной, отдельно взятой отрасли науки в решении демографических проблем современности является рассмотрение феномена материнства в междисциплинарном дискурсе. Здесь имеется множество фундаментальных вопросов, имеющих поли- и трансдисциплинарный характер, которые подлежат осмыслению, в том числе и со стороны правоведения.

Материнство – неюридический феномен, интегрирующий в своем содержании биологические, социальные и духовные составляющие, он находится вне права, но право может оказывать значительное влияние на него как на ценность, способствуя либо ее укреплению, либо девальвации. Трактовка материнства в юридическом дискурсе основана на его интерпретации как одного из репродуктивных правомочий, что фактически лишает категорию материнства ценностного содержания. В настоящий момент существует актуальная для юридической науки потребность расширения привычного контента и перемещения фокуса исследовательского интереса с узкоотраслевых и частных проблем обеспечения права на материнство на проблемы защиты материнства как ценности. Понимание его как ценности может быть «инвестировано» в право философией, психологией, социологией, культурологией и другими науками и отраслями знания. Междисциплинарный подход позволит критически взглянуть на ряд устоявшихся в юридическом дискурсе положений, наполнить правовую категорию «материнство» ценностным содержанием, способствовать укреплению значимости материнства в обществе.

Библиографические ссылки

1. Лукашенко А. Г. Сильная экономика и честная власть – фундамент независимости страны и процветания нации : послание Президента белорус. народу и Нац. собр., 22 апр. 2014 г. // Советская Белоруссия. 2014. 23 апр. С. 2–8.
2. Окулич Н. А. Материнство и отцовство. Стратегия и тактика успешности / под общ. ред. М. Н. Осиповой. Брест : Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина, 2012.
3. Шохин В. К., Абушенко В. Л. Ценность [Электронный ресурс] // Гуманитарная энцикл. / Центр гуманит. технологий. URL: <http://gtmarket.ru/concepts/6895> (дата обращения: 21.10.2014).
4. Справочное пособие для юристов [Электронный ресурс] : разработано в рамках проекта Программы развития ООН в Респ. Беларусь «Содействие расширению общественного влияния женщин в Республике Беларусь» / авт.-сост. Е. Гапова [и др.]. URL: http://un.by/pdf/posobie_jurist.pdf (дата обращения: 14.09.2014).
5. Человечество покидает утробу: В. Тихомиров о новой вехе биотехнологической революции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2388134> (дата обращения: 07.10.2014).
6. Мурашко Л. О. Правообразование в аксиологическом контексте / науч. ред. В. И. Шабайлов, О. А. Павловская. Минск : Право и экономика, 2012.
7. Рудова Н. Е. Феномен материнства в духовном воспитании личности // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2007. № 44. Т. 18. С. 426–433.
8. Шамарина Е. В. Культурный смысл материнства в западноевропейской и отечественной философской мысли [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Алтайск. гос. ун-т. Барнаул, 2008. URL: <http://cheloveknauka.com/v/85016/d#?page=1> (дата обращения: 22.09.2014).
9. Пушкарева Н. Л. Материнство как социально-исторический феномен (Обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) [Электронный ресурс]. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=631 (дата обращения: 01.10.2014).
10. Рамих В. А. Материнство как социокультурный феномен : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 / Ростов. гос. ун-т. Ростов н/Д, 1997.
11. Филарет Митрополит (Вахромеев). Проблемы богословской антропологии // Труды Минской духовной академии. 2005. № 3. С. 4–12.
12. Кожемякин Е. А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование [Электронный ресурс]. URL: http://konferencia.siberia-expert.com/publ/konferencija_2010/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/kozhemjakin_e_a_juridicheskij_diskurs_kak_kulturnyj_fenomen_struktura_i_smysloobrazovanie/2-1-0-28 (дата обращения: 14.10.2014).
13. О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 29 дек. 2012 г. № 7-3 : в ред. от 7 мая 2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.

14. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.

15. *Петоченко Т. М.* Проблемы правового положения женщин в связи с материнством по трудовому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Акад. наук Беларуси, Ин-т философии и права. Минск, 1995.

16. *Постовалова Т. А.* Правовая защита материнства и детства в Республике Беларусь // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск : Право и экономика, 1999. Вып. 10. С. 252–259.

17. *Сокол А.* О нормативном правовом регулировании материнства в Республике Беларусь // Юстиция Беларуси. 2014. № 4. С. 45–48.

18. *Тиковенко А. Г.* Конституционные ценности в теории и в правотворческой практике // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2014. Вып. 25. С. 15–27.

19. Демографическая ситуация и репродуктивные права в Беларуси : сб. материалов / Женское независимое демократическое движение. Минск, 2002.

20. *Перепелица Е. В.* Охрана репродуктивного здоровья и демографический фактор // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. Минск : Белпринт, 2014. Вып. 9. С. 80–88.

21. *Барановская И. М.* Конституционная защита прав женщин в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Беларус. гос. ун-т. Минск, 2009.

22. Основы биоэтики : учеб. пособие / под ред. Я. С. Яскевич, С. Д. Денисова. Минск : Выш. шк., 2009; Биоэтика: теория, практика, перспективы : материалы респ. студенческой науч.-практ. конф., Минск, 13–14 мая 2005 г. / М-во здравоохранения Респ. Беларусь ; под общ. ред. проф. С. Д. Денисова. Минск : БГМУ, 2005.

23. *Салагай О. С.* Отдельные правовые вопросы определения статуса человека в антенатальном периоде // Государство и право. 2010. № 10. С. 67–75; *Плотко Е. Э.* Прогнозирование, профилактика, диагностика и лечение осложнений искусственного прерывания беременности : автореф. дис. ... д-ра мед. наук : 14.01.01. М., 2013.

24. *Василевич Д. Г.* Понятие и виды соматических (личностных) прав // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2014. Вып. 25. С. 132–143.

25. *Самойло В. Г.* Юридическая природа и условия заключения договора суррогатного материнства. Минск : Право и экономика, 2011; *Юрашевич Н. М., Ильина Е. В.* Семейно-правовые фикции, регламентирующие использование репродуктивных технологий в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Казахстан // Право.by. 2013. № 1. С. 49–54.

26. *Байбороша Н. С.* Суррогатное материнство в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Беларус. гос. ун-т. Минск, 2011.

27. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» : решение Конституц. Суда Респ.

Беларусь, 28 дек. 2011 г., № Р-673/2011 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2012. № 10. 6/1132.

28. *Самойлова В. В.* Семейно-правовые аспекты реализации репродуктивных прав при применении вспомогательных репродуктивных технологий. М. : МЭСИ, 2012.

29. *Борисова Т. Е.* Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы теории и практики. М. : Проспект, 2013.

30. *Кокорин А. П.* Правовая природа отношений между суррогатной матерью и рожденным ею ребенком // Медицинское право. 2012. № 5. С. 36–38.

31. *Величко А. М.* Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб. : Изд-во Юрид. ин-та, 1999.

32. *Крусс В. И.* Доктринальные инновации в контексте конституционализации российской правовой системы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 2–11.

Статья поступила в редакцию 10.11.2014